

Александр Николаевич
Филатов-Тоцкий

**КУПАНИЕ
ЖЕЛЕЗНОГО КОНЯ**

Степные рассказы

Александр Филатов-Тоцкий

**Купание железного
коня. Степные рассказы**

«Издательские решения»

Филатов-Тоцкий А. Н.

Купание железного коня. Степные рассказы / А. Н. Филатов-Тоцкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905287-2

«Купание железного коня» — очередная книга прозы оренбуржца Александра Филатова. Автор известен и как поэт — его сборники стихов выходили в Челябинске, Калуге и Оренбурге. Лауреат конкурса им. Валериана Правдухина.

ISBN 978-5-44-905287-2

© Филатов-Тоцкий А. Н.
© Издательские решения

Содержание

Странная штука – память	6
Бытовуха	8
Кисточка непризнанного гения	10
Сказки на ночь про Луну	12
Богиня	13
Карасиные страдания	15
Художника обидеть может каждый	17
Всё к лучшему, мой друг...	20
Три километра мороза	22
Любви, представьте, не ждала	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Купание железного коня

Степные рассказы

Александр Николаевич Филатов-Тоцкий

© Александр Николаевич Филатов-Тоцкий, 2018

ISBN 978-5-4490-5287-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Странная штука – память

Рассказ

– Знаешь, Иван, вот какая странная штука память. Детство своё помню в подробностях, что сегодня с утра делал – не помню, хоть убей.

– Так и я Лёша, не помню сегодняшние события. Дойду до автобусной остановки, вдруг вспомню – телефон забыл. Вернусь домой, а зачем, не помню. И опять на остановку... И так до пяти раз.

– Склероз у тебя, дружок. Ну, это ж хорошо – никогда голодным не будешь – до пяти раз только позавтракаешь...

– Да иди ты! Тебе только бы схохмить чего-нибудь. А докажи, что ты детство помнишь!
– Легко!

Как-то, лет шестьдесят назад, был хороший день. И получилось так, что мне пришлось пойти в школу с опозданием. Я и появился в нашем школьном дворе на горке ко второму уроку. Портфель у входа бросил и стал кружить вдоль школьного забора. На огород прибранный посмотрел, на сад недавно посаженный. И тут увидел военного человека, но в какой-то неведомой мне, странной форме. Он шёл по центральной дорожке в школу.

Ну ты ж, Ваня, не дашь мне соврать, мы тут в нашем военном городке разных защитников родины видели – от рядового до маршала. Ну, там Жуков, Малиновский у нас были, Баграмян, Гречко... Иностранцев военных кучу видели. И женщин военных...

– Как же, у нас англичанка полковником была запаса, а муж её – комдивом. Помню. Переводчицей в войну была, в миссиях разных участвовала. Хорошо английский преподавала, да к чему он нам?

– Видишь, и ты кое-что вспоминать начал. Голиковы они были – англичанка и её муж.

Так вот, а тот военный – в чёрной папахе, в тёмной форме с красными лампасами, в блестящих чёрных сапогах, и, самое интересное, в чёрных перчатках. Представляешь, Ваня, тепло, почти лето, а он в перчатках. Ну и главное – на боку шашка в чёрных ножнах с латунно-жёлтой отделкой.

Он в школу вошёл, а я призадумался – кто такой, почему не знаю...

Отвлёкся от события с военным, после звонка на перемену в класс заявился. И вдруг меня вызывают к директору школы.

– Это к Чичаеву, что ли?

– Да, к нему. Ничего себе, думаю, за опоздание накажут или как. Уже за такие мелочи – и к Николаю Григорьевичу. Что-то слишком строго наказывать хотят. Анастасия Георгиевна меня за руку по коридору ведёт, а я как-будто сопротивляюсь, но тоже иду.

Постучали в дверь кабинета, вошли. И опять этот весь чёрный военный передо мной – сидит рядом с директором, шашку свою поглаживает одной ладонью, а во второй аккуратно перчаточки держит и по коленке похлопывает.

– Этот? – спрашивает директор.

– Да, этот, – отвечает военный. – Он подойдёт.

– Ладно, Лёша, иди в класс, с тобой позже поговорим.

Уже уходя услышал: «Он у нас боевой – солист хора, поёт и рисует хорошо, отлично учится...». И как-то впервые вдруг стало не по себе, стыдно как-то.

После уроков Анастасия Георгиевна оставила меня и сообщила: «Тебя директор на встречу с военными приглашает. Ты должен поздравление от ребят школы зачитать и стихотворение – вот листок с текстом.

– Почему я? Я же в концерте пою, и в танцевальном номере выступлю кубанским казаком...

– Тебя генерал выбрал.

– Какой генерал?

– Чапаев.

Тут я и опешил. Ведь Чапаев погиб, я ж в кино видел. Он в Урале утонул, потому что раненый был.

– Ведь Чапаев погиб! – крикнул я.

– Да, погиб наш герой. А это сын его к нам приехал, Александр Васильевич. Он за школой нашей присматривает. И чем-то ты приглянулся ему.

– А как он выбрал меня, почему?

– Ну, наверно, ты хороший мальчик, да и сын фронтовика.

– Вот как...».

А после концерта и чаепития с конфетами я долго ходил в костюме кубанского казака, многократно напевая «Гулял по Уралу Чапаев-герой», но это было уже дома, в полном одиночестве...

– И помнишь?

– Помню.

– А мне показалось – сочиняешь. Нельзя такие подробности целых шестьдесят лет помнить.

– А может быть, и сочиняю. Вот стал сомневаться. Была ли шашка при нем? А из чёрного, может только сапоги да перчатки были... Но он у меня в памяти таким бравым казаком и остался. Хотя читал я как-то – Александр Васильевич Чапаев после аграрного техникума к нам в Оренбургскую область был направлен. Работал агрономом. Потом служил срочную, там и надумал стать военным. Потом – война, он в Курской битве подполковником участвовал. Победу встретил полковником, орденосцем. Два ранения имел. Потом военную академию закончил имени Дзержинского, был командующим артиллерией нашего Приволжского военного округа. В учениях наших атомных участвовал – руководил сводными артиллерийскими частями. В отставку ушёл генерал-майором. Потом по местам боёв отца ездил, перед молодёжью о подвигах его рассказывал, как в нашей школе... Вот таким героем был сын нашего Чапаева! Гордись! А то мы только на анекдоты пошлые про героев наших способны. Между прочим, Василий Иванович георгиевским кавалером был полного банта, ему старшие офицеры первыми должны были честь отдавать. А Россия должна всегда про это помнить.

– Ну и память у тебя, Леха! Как магнитофон! Ничего такого я не помню. Нет, вру. Вспомнил, как защитник Брестской крепости Гаврилов к нам приезжал, да знамёна русской славы в Доме офицеров показывали... А подробности не помню.

– Газеты надо читать, Ваня, до глубокой старости. Тогда и память хорошая будет.

Бытовуха Рассказ

Я просто сидел на лавочке, как наши пенсионеры. Я грелся на солнышке, как наш дворовый чёрно-белый кот. Я, наверное, ни о чём не думал, наоборот – отдыхал от раздумий и наслаждался новой весной.

Внутри подъезда дверь резко хлопнула, так сильно, как не хлопала никогда. Потом раскрылась железная подъездная дверь, и наружу выскочил сосед Геннадий. Не глядя по сторонам, он почти бегом направился к моей лавочке, плюхнулся рядом и застыл, обхватив голову руками. Вдруг его тряхнуло, а потом Геннадий стал вздрагивать с какой-то неуловимой периодичностью.

Что же случилось с соседом?

– Ты не заболел, Геннадий? – спросил я. Никакой реакции: – Гена, что с тобой?

– А-а, сосед... – медленно и слабым голосом сказал он. И более – ничего.

– Да что с тобой, мужик? – снова спросил я.

– Ничего. Достала уже!

– Кто, жена?

– Бытовуха... Ну и жена тоже.

Минут через пять Геннадий заговорил, да так, что и не остановить:

– Понимаешь, достала меня наша новая жизнь. Вот полчаса назад стал я резать рыбу ножом. Немного нажал – в руке остались две половинки ручки. И это уже не первый нож в руках ломается... А кастрюли? Тонкие, мелкие – в них варево запросто пригорает. А крышки к кастрюлям делают так, что её горячую в руках не удержишь... А сковородки? Не подвинтишь вовремя ручку – рискуешь однажды жареную картошку себе в тапки уронить. А новейшие покрытия на этих сковородках? Чистить обычным способом нельзя. Опасно. Но кто об этом помнит? Вот раньше нормальная советская посуда была, и зачем её упразднили?

А бутылки? Вроде стекло, а на самом деле пластик, да и опять же вредный для человеческого здоровья. Как с этим быть? Достали!..

Геннадий нервно извлёк из кармана сигарету, зажигалку, торопливо прикурил и затаился задумчиво...

Продолжил:

– А возьмем электричество. Патроны делают одноразовые, из мягкого металла. Когда лампочки перегорают, а делают это они часто, они горят и отстреливают стеклянную часть. В патроне остаток заваривается, да так, что удаляется только вместе с «мамой» патрона. Раньше такого не было никогда... А в патронах куча мелких болтиков и прочей мишуры, которую без очков не увидишь, а в руках – не удержишь. Не чувствуешь их грубыми пальцами. Для кого, для чего такое делается? А провода – тонкие – в руках рвутся, вес лёгкой люстры не выдерживают. Греются, слипаются, перегорают! Изолента какая-то деревянная, даже к себе самой плохо прилипает. Вот производители, вот изобретатели-конструкторы – руки им поотрывать! У моей бабки лет пятьдесят-шестьдесят назад проводка сделана – никаких проблем до сих пор. А у нас? Где надёжность, электробезопасность? Достали!

А батарейки? Их много и все разные. И в семье их целая куча нужна, чтобы все пульты, фонари, тонометры и прочее – работали. Но через месяц – покупай обновление этой кучи. Это куда годится?!

Про поддельные продукты молчу. Про поддельные лекарства молчу. Травят народ, как хотят, и управы на производителей нет. Так жить невозможно. Про сантехнику молчу – капитально отлаживаю каждый год...

Ни качества, ни гостей. Клеммы, разъёмы друг к другу не подходят. На мусорку люди иной раз технику бытовую из-за ерунды выбрасывают, а торгашам – в радость! Ещё купят. Моя вон третий чайник за год купила, и последний ли? А что, в починку уже не берут мастеровые мужики, легче сказать: «Ваша модель устарела, запчастей нет, а если есть, то где-то в Корее». Достали уже! Я заметил, каждая решённая проблема порождает две-три новых. Закон новой жизни... А у тебя не так?

– И у меня, пожалуй, так. Только совсем без проблем никто не живёт. Есть проблемы – есть возможность жить далее, – ответил я.

Тут Геннадий закурил ещё сигаретку.

– Знаешь, я как-то на стол тяжело облокотился, так ножка сразу надломилась. Выглядит стол, как игрушка, но это – только наружка. Да! А раньше мебель сколько служила? Десятилетиями, веками! Сейчас нам доступна только мишура да яркие этикетки на изделиях для бедных.

Задолбала и реклама! Тебе уже не надо ничего, а она верещит: паста-паста, щётки-щётки, отели! Ни одного фильма нормально посмотреть не дают. Гады! Ну, сделайте один рекламный канал для всех, на всю страну и её окрестности, сложитесь. Кому надо, тот и заглянет, а весь народ зачем мутить? Недоумки!..

Думаю, надо быстрее решать эти мусорные проблемы, их накопилось через край. А известно, что количество однажды переходит в качество. Хотим жизнь улучшить, надо освободиться от бытовухи, – сам для себя вслух решил Геннадий, выписал ей приговор.

– Или сменить образ жизни. На Алтай, к примеру, уехать, там жизнь начать заново, – добавил я.

И Геннадий выговорился и, покуривая, заметно остывал. Я просто кивал головой и подкивал ему, но по большей части с ним действительно соглашался. А тут соседка пожилая с сумками мимо нас шла, да и выдала:

– Всё курите и курите, подлецы, да ещё и пьёте! И когда уgomонитесь – достали уже!

Кисточка непризнанного гения

Рассказ

Три дня художник Андрей Иванов ни на что не реагировал – не ел, не пил, на дверные и телефонные звонки не отзывался.

Потом стало ещё хуже – выяснилось, что и на улицу он не выходит, по квартире бродил мало, даже матери родной сегодня дверь не открыл.

Ещё через некоторое время мать заметила, что пальцы Андрея немного распухли, покраснели, а потом ладони нет-нет, да и стали скрючиваться. Было видно, что сына иногда терзают судороги. И в речи его появилась лёгкая картавость, которой отродясь не было.

Наливая чай, Андрей обдал кипятком свои ноги. Из его рук то и дело падали вилки, ножи, ложки, еда...

– Что с тобой, Андрюша? Мне кажется – тебе пришла пора подлечиться...

– Не пришла.

– Пришла, пришла. Я же вижу, каково тебе сейчас. Давай сходим к врачу.

– Да не надо. Я сам, если надо, вылечусь. Раз плюнуть!

Протестуя, Андрей бодро подсел к мольберту, зарядил его ватманом, сделал пару штришков карандашом, но он предательски выпал из руки. И тут мать услышала отчаянный вопль и чуть ли не скрежет зубовой, а также мат, как ей, быть может, показалось...

– Что у тебя, Андрюша?

– Ничего, ничего.

А ведь совсем недавно всё у Ивановых было хорошо. У Андрея наброски, зарисовки, почеркушки, эскизы и этюды текли полноводной рекой. Шла бесконечная работа над картинами. Внушительная серия новых портретов заполняла мастерскую. А вне дома – постоянные выставки сменяли одна другую. Эпизодические встречи с друзьями и любителями живописи не давали покоя. Из городского музея просили несколько работ для новой экспозиции.

И вдруг бурная жизнь закончилась. И не от амурных страданий, как можно было подумать матери, мечтающей о внуках. А так – без причины.

А началось, наверное, в тот день, когда сын долго искал нужную кисточку и не находил. Он проверил все места, где она могла быть, все самые запылённые уголки мастерской – кисточки не было.

– Мам, – наконец сын решил задать матери вопрос. – ты-то мои кисти не берёшь, я думаю? Пропала самая важная – для глаз, для самых тонких деталей.

– Да, что ты, сынок, господь с тобою. Когда я брала у тебя инструменты? Ты тут даже уборку мне не доверяешь. И не захожу, и не беру ничего никогда.

– И куда ж она пропала? У меня работа без неё не ладится...

– Ищи и найдёшь.

Вечер того дня сын встретил в любимом кресле, молча, и свет не включил, когда стемнело.

Подумать только, из-за мелочи, из-за какой-то маленькой кисточки остановилась большая работа – заказ на картину во Дворец бракосочетания. Творческий заплыл закончился внезапной остановкой, и художник пошёл ко дну. Он вдруг осознал, что где-то не так жил, не всегда делал, что надо и как надо. Трудом и скандалами добился маломальского признания, и всё коту под хвост! Кроме мамы, никого в семье нет. Не все картины вызывают интерес и восторг у зрителей, а в каждую вложен титанический труд. Это только казалось, что работаете легко, с удовольствием. Лёгкость базировалась на приобретённом с годами мастерстве и на моло-

дом напоре. По большому счёту настоящим ценителем его работ всегда была только мама. А вокруг – лишь романтический туман...

Вспомнилась Надя. Как она была грациозна и красива! И талантлива! Однажды на просмотре студенческих работ они прошлись рядом, а потом шли почти вместе до завершения просмотра. Вместе оказались на остановке, домой ехали в одном трамвае. Андрей заметил, что Надя иногда поглядывала на него. Но встретившись с пристальным взглядом, они отводили глаза в сторону. Наверное, чтобы не увидеть больше, чем надо художнику... Дня через два Андрей решил, что Надя – это соблазн. Художник должен жить и работать один. Два художника в одной мастерской – беда! Их роман несостоявшийся закончился быстро, рационально. Всяк остался при своих интересах. И Надя молчаливо поддержала его. А после завершения сразу вышла замуж, говорят, за какого-то заводского электрика.

После Нади Андрей сблизился со многими девушками, но ни одна не замутила его разум до сумасшествия, и слава богу, как говорит мама. Но Андрей-то знал, чего по-настоящему мама хочет – его устроенности и внуков.

И хозяин из него никакой! Дачи нет, гаража и машины нет. Квартира, и та – мамина. На срочной службе в армии предлагали сделать военную карьеру – не решился! После службы предлагали стать фотографом – не пошёл. На заводе не прижился... Сколько было разных возможностей, а начинающий художник рвался учиться искусству. И мать терпела его желания, потакала им, содержала его...

После института круг устройства на работу завёлся снова. Автомастерская, где нужен был художник-оформитель, ему не подошла – ничего интересного для живописца. Кружок-студия при Доме культуры – тоже не подошёл. Извели всю душу отчетными бумагами, порицаниями за пропуски учащихся и малой зарплатой. Сколько ценного трудового времени терялось в мелочных заботах!

Кое-как, понемногу стал получать заказы от художественного фонда. Тут-то дело и пошло, но удовлетворения всё равно не было. И Андрей всё чаще задумывался: как это художники прежних времён трудились по своему плану без творческого союза и должностных окладов?

А как он надоел маме своими претензиями! Ведь она жила только его заботами. Впрочем, и житьё с нею ему порядком надоело: ежедневно одно и то же. То сварит что-то не то, не так, то продукты не те. То обидное что-то скажет. Порою кажется, что она после отца только потому замуж не вышла, что страстно желала сыну досадить за его неправильную жизнь. Действительно, чего ждать от бывшей крановщицы, которая после ремеслухи никакой другой жизни не видела и не знала? Сын для неё был гением, пока ещё непризнанным, но с большой перспективой. Вот и вкладывала она свои малые силы в его большое искусство. Где шлепком, где подзатыльником, досыта кормила картошкой и хлебом, стирала и штопала, читала нотации и в мечтах представляла время, когда её сын станет великим, как Репин, и заведёт, наконец, семью.

Утром мать подошла к сыну и сказала: – Ты не эту кисточку искал?

Андрей так и подпрыгнул в кресле: – Эту! Мой «мышинный хвостик»! А ты зачем её брала?

– Не брала я её. Ты сам оставил кисточку в цветочном горшке на кухне. Вижу – землю взрыхлил...

– Не помню. Это я машинально сделал. Теперь лицо невесты допишу! – закричал он взволнованно.

Утонувший, было, творец вынырнул из депрессии, и ночные переживания потеряли свою силу. Поэтому он устроился в кресле удобнее и крепко заснул.

Сказки на ночь про Луну

Малая проза

Первая сказка: Луна приближается к Земле и «скоро погубит всё живое».

Сказка вторая: Луна удаляется от Земли и «скоро всё живое вымрет».

Однако Луна остаётся на законной орбите. «Кто-то корректирует и стабилизирует её путь» – это тоже похоже на сказку, но в каждой сказке есть правдивый намёк.

Учёные разумных стран, соединяйтесь! Определитесь, наконец, с нашей общей Луной. Почему она у вас туда-сюда болтается, и, одновременно, остаётся на привычном месте? А древние мудрецы сообщили будущим поколениям, что были времена, когда у Земли вообще Луны не было. Говорят, существует гора письменных источников и графических фактов, в которых Луны не было. И ничего. А жизнь, вроде бы, была, если было кому написать сообщение в будущее. А как же «зарождение жизни с помощью приливов и отливов»? Или снова нам рассказывают вовсе нелогичные сказки? А жизнь была – доказали! – и двигалась ускоренным темпом до высокой организованности. Или, всё-таки, и раньше была какая-то древняя Луна, а, может быть, и не одна? Потом они исчезли, и нам явилась Луна сегодняшняя? Сказки! Но не народные – в народных только сушая правда.

А новейшие сказители вдруг заметили, вычислили и поняли, что внутри нашего небесного спутника запрятан искусственный объект, сделанный, естественно, неземными руками-лапами. И вообще, Луна это космический корабль – не наш, который является базой – не нашей, для громадного роя НЛО. Сказка на сказке сидит и сказочкой погоняет...

А более трезвые наблюдатели вроде бы заметили на Луне вулканические процессы. Да что же это такое – одни считают Луну полый, другие – с лавой... А посередине – гвоздик! Вот и верь научной братии из сети Интернет. Нет однозначности, нет! Одни парадоксы с такой близкой нашей Луной, непорядок.

Сказки можно читать бесконечно, на ночь, еженощно... Американцы были на Луне и не один раз. Но – американцы не были на Луне никогда – все доказательства – фокусы Голливуда. Лопни-лопни, мыльный пузырь!

А русские? Облетели Луну, сфотографировали её обратную сторону, сбросили вымпел СССР, взяли пробы лунного грунта, двигали по Луне луноходы, составили лунные карты и сделали лунный глобус. И этому есть доказательства вещественные, технические и, естественно, научные.

Я верю, друзья, что наши космонавты на Луне обязательно будут. Нашим планам и мечтам верить можно.

Кстати, и китайцы скоро обоснуются на Луне и построят первую лунную станцию. В это можно поверить со всей определённой, ибо китайцы в последнее время перевыполняют все свои планы, и особенно, космические. Недаром бумага, порох, ракеты, и всё бытовое в мире, – китайские. И это верное доказательство их мудрости, а также гениальности Сынов Неба, что их взрастили.

Жаль, мы ныне живущие на Земле, не увидим величайших космических преобразований – американцев, русских, китайцев, японцев, корейцев, индийцев и даже бразильцев. Нам времени не хватит. Мы настоящую правду, похожую на прекрасную сказку, о Луне не увидим, а так хочется...

Богиня Рассказ

Озеро и холмы вокруг него вместе напоминали след от лошадиного копыта, в котором стояла водица. Только следок этот был сделан когда-то давно гигантским копытом богатырского коня, может быть коня Святогора. И называлось озеро очень справедливо – Копытное.

Было уже светло, хотя солнце ещё скрывалось за горой. Два заядлых рыболова Виктор Иванович и Николай Александрович заехали на мотоцикле с коляской почти в самый центр этого природного феномена. Очень удобно: берег тут пологий, камыши – слева вода и справа вода, а хочешь – забрасывай удочки прямо перед собой.

Николай Александрович быстро приспособился к месту и забросил удочки в воду. Посидел немного – результата нет. А Виктор Иванович извлёк снасти из мотоцикла, но разматывать удочки не стал, оставил их на предполагаемом месте будущей рыбалки, и, накрывшись курткой с головой, завалился спать под ближайший кустик. Он почти всегда так делал – в начале выезда торопил друга, сам долго суетился, а у водоёма пока не выпится, рыбачить не начинал. Но в последнее время часто выигрывал рыбацкое соревнование с другом. Успевал наловить не меньше, а то и больше Николая.

Час прошёл, два... Николай Александрович уже начал завидовать другу. Дрыхнет, понимаешь, в своё удовольствие, а тут не клюёт совсем. Одного карасика поймал рыболов, и – всё. Молчок. Поплавок стоит на месте мёртво, не шелохнется.

А вот и Виктор Иванович очнулся – то ли совесть его разбудила, то ли солнце нагрело? Он расположился к рыбной ловле, но поглядывая на поплавки Николая Александровича, уже понял – не будет сегодня удачи. Утренние туманы испарились, тучки пропали, небо ясное во всю ширь и до самой глубины, ветра нет, движения в воде нет... Не будет рыбалки!

На рыбалке друзья разговаривали мало. А о чём говорить? За десятилетия общения тем для бесед почти не осталось. Рыба, раки, удочки, оснастка, донки, черви, насадки, прикорм, лето, зима. А еще – жёны, дети, внуки – ну обо всём говорено и не раз.

– Вот карась, падла, капризная всё же рыбка, – произнёс Виктор Иванович. – И тут не клюёт. А мне говорили – дуром клевать будет на Копытном.

– Да уж. Клюёт там, где нас не было. Или – а вот вчера клевало... Старая песня.

– Куда нам ещё съездить? Может, в Пронькино другим разом махнём? Или в Елшанку?

– Оно, конечно, можно. Но, думаю, и там такая же нерадостная история. Испортилась наша вольная рыбка совсем – развинтился погодный агрегат...

И – замолчали. А погода в этот день, правда, как раз не менялась: солнце размеренно двигалось своей высокой тропой, и рыболовам постепенно становилось жарко.

– Это моя зверушка рыбалку сглазила...

– Как это так?

– Да так. Вчера всё твердила – не надо рыбалки. Не надо рыбы – сам будешь чистить. Надо на огород ей съездить, к даче, посмотреть, что и как. Я ей говорю: обещал я Николаю, что поедем. А она своё и своё. Весь мозг пропилила.

– А ты б её на рыбалку взял, авось понравилось бы...

– Брал. Есть такой опыт. Больше не возьму.

– Почему?

– Им условия нужны. Червей накопай и насади. Удочку размотай и забрось. Зонт нужен от солнца, плащ от дождя. Блестит река – плохо, ветер в лицо – плохо. Комары заедают, слепни – сосредоточиться не дают.

Подсказывать надо – когда подсекать рыбу, когда тянуть, как вываживать. Еды надо много, питья канистру. Полчаса посидели – всё, рыба не клюёт – пора домой. Вот ты свою выведи – все прелести женской логики узнаешь.

– Точно, сложно с ними, с бабами. Не понимают они мужских хотений. Я, к примеру, за хорошую рыбалку жизнь могу отдать, а ей – хоть бы рыбалки и не было совсем. Не везёт рыболовам с жёнами. Ерши – сопливые, колючие, мелкие, окуня – плохо чистятся, голавли – костистые, караси – воняют тиной... Не угодишь!

И грибы она не понимает, и ягоды. Собираешь-собираешь – упаришься. А тебе навстречу – перебирай сам.

Друг посочувствовал другу. И снова замолчали. Очнулись:

– Ну, что, закругляемся и в обратный путь?

– Давай ещё полчасака...

Вдруг на косогоре явилось настоящее чудо: светлая и сильная, легко одетая или, наоборот, почти не одетая, молодая женщина с распущенными солнечными волосами прискакала верхом на гнедом коне, спустилась к озеру.

Она медленно спешила на противоположном от мужиков берегу, отпустила уздечку, ласково потрепав коня, и пристально посмотрела на водную гладь, прикрыв глаза ладонью. Конь занялся травой...

Долго смотрела на Копытное, словно на занятную художественную картину, или словно захватывающую книгу читала и замерла в раздумье.

Оглянулась. Присела и подняла с земли удочку (она загодя там лежала). Ни телескопическую, ни бамбуковую, а обычную – из черёмухи или из берёзки сделанную. Ловко закинула леску в озеро и почти сразу вытащила увесистого карася. Потом – второго, третьего. Ещё и ещё!

А мужики заворожено следили за каждым её уверенным движением. Волшебница, не иначе! Или бывшая русалка, и с водяным в сговоре...

У мужиков поплавки дремали, а в головах быстро вращались вопросы: как это? почему? кто она такая?

– Да подкормила она своё место! И ловит в тени! В тени сейчас карась, а мы на солнце сели! – вырвалось у Виктора Ивановича.

Но тут рыбалка закончилась. Местная богиня смотала удочку, положила её к ногам, накинула клетчатую рубашку с коротким рукавом, подняла садок и вспрыгнула на коня в замахах, как лихой казак.

В сторону рыболовов она так и не взглянула. Уже за бугром, издали кто-то окликнул её:

– Дашка, ты чё делала на Копытном?

– Загорала...

Карасиные страдания

Рассказ

Пенсионеры Виктор Иванович и Николай Александрович, а во дворе просто – Иваныч и Саныч, решили как-то оторваться от скучной лавочки у дома и... куда? – правильно, махнуть на рыбалку! Накопали червей, запарили перловки и кукурузы, залили полный бак бензина в мотоцикл. Но утром уехать не получилось – то да сё – провозились до обеда, а в Осиновку приехали лишь к вечеру.

– Ничего, – сказал Иваныч. – Если дело пойдёт или что – тут и заночуем. Видишь крайний дом? С хозяином я договорился недавно.

– Конечно, – подхватил Саныч, – вечернюю зорьку отсидим, утреннюю прихватим. Дома нас как бы ждут, а как бы и не ждут – знают, что никогда не пропадём.

– Да уж! Такие мы умные...

А рыбалка не пошла. Пруд сделался, как стекло, – ни шороха, ни всплеска. Мужики подкормили места, но поклёвок не дождалось.

И тут в ближнюю рощицу лихо заехал «Форд». Из него вышла молодёжь. Вся – навеселе. За первой машиной ещё пяток серебристых и блестящих авто подкатил. Молодых стало гуще.

Рыболовы поняли, что ребята подъехали прямо со свадьбы. Они чего-то выпили меж деревьев, чего-то закусили, что-то спели, посмеялись и полезли в пруд купаться.

Иваныч и Саныч немного взволновались, но знали, что рыба купальщиков не боится, а рыболовов никто не обидит.

Но зря они понадеялись на свои позитивные мысли. Красивая и молодая девушка разделась рядом, чуть позади рыбаков, и шумно рухнула в воду, раздвигая её мощной грудью. Раздвинулись и поплавки. За нею, видимо, муж её побежал по следам жены, и стали они плавать, брызгаясь и хохоча.

Рядом появились маленькие детки – справа от рыболовов, а слева бухались в пруд парни и девчата.

– Всё! Пипец, как говорит мой младший внук. На сегодня отрыбачились. Поехали на ночёвку, что ли?

– Ну, вот как такое понимать, Саныч? Берега им, что ли, не хватает? Ведь это чистое хамство. Ни рыбаков не уважают, ни возраст наш.

– Не чистое, а грязное. Иным хамство не бывает. Это просто полное отсутствие воспитания. Или воспитание наоборот – такой вот вид извращённого патриотизма. Мы с тобой не местные, значит должны соблюдать их уличные законы... А ты помнишь, в Ольшанке подобный случай был? Тогда девчонки тебе тоже прямо под крючки лезли, чтоб в пятнашки поиграть. Им тоже берега не хватало. И не пятнашки им были нужны, а старикам досадить... Так и тут.

– Я вот подумал, пора закон правильный сочинить: пенсионеры везде по стране должны рыбалить бесплатно и безопасно, чтоб их никто не смел обижать. Можно этот закон и не только для рыбалки придумать – для всего! Ладно, поехали...

Крайний дом недалеко. Иваныч пошёл на переговоры к хозяину, но не успел войти в дом. Из проёма двери показался молодой мужик и с порога сказал:

– Привет! Ночевать вы здесь не будете. Тут старики живут. Я их внук. Мало ли чего? Вдруг запьёте...

– Да нам только мотоцикл во дворе поставить, а переспали бы в любой сараюшке.

– Нет. Нам не надо осложнений.

– Ну и ладно. До свидания.

У мотоцикла Саныч спросил Иваныча:

– Что такое? Ты ж предварительно договорился...

Призадумались, закурили. И тут сообразили – на пруду-то тишина. Видимо, молодёжь уехала свадьбу допивать-догуливать. Ничего не стоит вернуться на пруд, на прикормленный бережок, да и продолжить рыбалку.

Вернулись. Точно, как корова слизала всех купальщиков. Рыбаки вновь расположились в избранном месте, забросили снасти в воду. Но клёва, как не было, так и нет. А в небе вдруг исчез месяц, за ним – пропали звёзды. С запада надвигалась громадная туча. Она, словно поджидала рыбаков. Мелкий крап сменился крупной дробью дождевых капель, а вместе с ветром пришла стена сплошных водяных потоков. Да ещё темь!

Иваныч и Саныч побросали удочки, спрятаться некуда: место голое, а редкая рощица, что вблизи, вряд ли чем поможет. Промокать, так промокать! Мокрые до нитки уже...

И тут Илья-пророк на колеснице по туче проехался с таким грохотом, что в него запросто поверишь. Там он где-то! Молнии блеснули в разных местах и рядом, громы ревели уже непрерывно.

Тут Иваныч вспомнил и достал из мотоциклетного багажника старенький плащ. Присели рыбаки в соседнюю ямку, накрылись этим плащиком и замерли, спасая друг друга от сырого холода...

Водяная буря уходила. В ямке на дне плескалась вода. Рыболовы приходили в себя.

– Унесло нечистую силу!

– Бомбёжка натуральная, как в Афгане.

– Ладно, всё прошло. Вот уже и рассветёт скоро – видишь полоску светлую? Солнце встанет, обогреет – переживём.

Но и утром не повезло. Опять никаких поклёвок. Саныч пару окуньков с мизинец поймал и в воду выкинул. А Иваныч очень приличного карася добыл. Только этот карась больше никого за собой не привёл.

– Да что ж это такое? Поехали домой.

– А что, согрелись, поехали...

Иваныч поднял садок, и этот самый килограммовый карась на глазах рыболовов трепыхнулся, нашёл дыру, да и с удовольствием шлёпнулся в родной пруд.

– Вот зверок! Ушёл! Дырка... Больше я сюда не поеду.

Художника обидеть может каждый Рассказ

Сказать по чести, сначала Иван обидел Марию. Он решительно отказался делать хоть что-нибудь на даче.

– Не хочу и не буду. Мои дела серьезнее твоих, – заявил он супруге. – Я допишу и продам картину, а на эти деньги мы купим и помидоры, и огурец, и долги раздадим, и на еду хватит. Не за помидорами я сюда приехал!

– Как надоел ты, Ваня, со своими мечтами, – парировала Мария, поджимая губы. – Вот не зря от тебя Надежда сбежала. Жить с таким ненормальным невозможно!

Иван не стал отвечать на выпады Марии – женские дела ровным счётом ничего не стоят, а бытовой круговорот – бесконечная еда, посуда, вещи, платы – утопит любое творчество. Как нормальный человек может жить и творить в обстановке бабских претензий на якобы нормальное существование? Уже вся квартира в её помидорах – ступить некуда, а она опять за своё.

Мария, ворча, занялась сбором урожая. Его надо не только собрать, но и как можно быстрее закрутить в банки. Часть замариновать, часть засолить с капусткой, сделать жгучку с хреном... Она отключила внимание от своего суетливого и крикливого мужа. Дело – прежде всего.

Иван побегал взад-вперёд, как молодой петушок в поисках противника. Уселся на брёвнах и тут же отомстил Марии. Коричневым цветным карандашом он сделал рисунок с натуры – широкий зад жены. Увлёкся, и в альбомчик навечно попали и его «городская крестьянка» в разных позициях, и шикарный пенёк с раскидистыми корнями, очень похожий на Горгону, и грибы-мухоморы, и собачка Лизка...

О, Лизка – это настоящая, преданная художнику модель из мира животных! Она неизменно позировала хозяину столько, сколько надо по времени, и до тех пор, пока он не скажет: «Всё, Лизка! Пошли за карасями!». С любимой собачки он уже много лет начинал художественную разминку перед любой серией набросков и зарисовок.

А зачем менять годами заведённый порядок? Иван взял с собой удочку, баночку червей, лёгкий акварельный этюдник, заряженный бумагой и инструментами для карандашных дел. И весело направился к ближайшим болотцам, чтобы лишний раз понаблюдать за природой, найти интересные сюжеты из её жизни, высмотреть и зафиксировать что-нибудь неожиданное в свой многотомный альбом.

И тут у Ивана было правило простое, почти как по-Маяковскому: поработал сидя – поработай стоя. И вообще, настоящего художника, как волка, ноги кормят. Ходить по миру надо, толкаться среди людей и деревьев, а не помидоры собирать.

Если не получатся этюды и наброски – будут караси. Не клюёт карась – будут этюды. Чёткая диалектика!

Когда Иван вернулся и с этюдами, и с карасями, он радостно закричал уже от калитки:

– Маша, таких карасей ты ещё не жарила! И этюдов таких ещё не было, а теперь есть!

А Мария, как деревянная, сидела на брёвнах рядом с умывальником. Перед нею стояли корзины и ведра с помидорами, овощами и зеленью. Она ответила тихо:

– Да что я с тобою только не видела. Я видела всё. Только жизни не видела...

Её замкнуло, она что-то шептала и шептала приглушённо. И хорошо, что Иван ничего не расслышал.

На другое утро Иван опять сделался гневливым и психованным. Он заказал грузовую газель. Машина подъехала, и он загрузил в неё из мастерской кучу этюдов, картонок и готовых

картин, взял снаряженный масляный этюдник, дополнительные кисти, тубы с краской, разбавитель-тройник, и тысячу всяких мелочей. И решительно отправился на малую родину. Замысел был простой: освежить старые связи, побывать в школах, в музее, встретиться с творческой средой и написать что-то новое, а в конце поездки устроить выставку для земляков. Успел для приличия позвонить Марии о своём внезапном отбытии в Оренбургскую область.

Ничего не сказала Маша, лишь вздохнула и пожелала доброго пути. А Иван по инерции кричал в трубку телефона из мастерской:

– Когда приеду? Как приеду. Ты лучше не жди. Может быть, я и вовсе не вернусь. Пока!

Иван клацнул трубкой по аппарату, выскочил на улицу, прыгнул в машину и сказал шофёру: – Поехали!

Как выяснилось, в родном краю все его былые родственные и дружеские связи оборваны или утрачены. Иван мыкался на газели то к одним, то к другим – нигде его не принимали.

Родного посёлка и родного родительского дома у Ивана не существовало. Давно. Неперспективным его крошечное поселение оказалось. Родители умерли, хотя и считались долгожителями. На родном месте – одни бугорки, да ямки, да несколько заброшенных крестов неподалёку.

В другом посёлке, где Иван работал в молодости, хороший друг и рыбак Окунев умер года два назад, а его семья переехала в соседний район. Очень долго не был Иван на родине, никому не писал, не звонил – думал, что она, родная земля и твердыня, никуда не денется. Земля и реки, вроде бы, те же, а людей как повыкосило.

В райцентре, где когда-то Иван учился в старших классах, из родных осталась одна единственная изба на берегу реки. И в ней жил его племянник, которого Иван никогда не видел. Однако надо куда-то приземляться.

Иван постучал в дверь. Племянник вышел, но сразу не пустил дядю за порог. Поговорили на улице. Он, племянник, был слишком дальним родственником, чтобы знать и помнить Ивана. Вышел он к художнику в каких-то замызганных трениках, в нестиранной бесцветной майке. На голове – немые вихры.

А водитель газели уже сильно нервничал – ему пора возвращаться в город, а машина всё никак не доберётся до цели.

– Давай, разгрузай, дядя, свои картинки, – разрешил племянник. – Но не удивляйся – у меня большая живёт и братан ещё при мне. Как договорились, ставь литр водки сразу, а потом деньги за проживание.

– Хорошо!

Выгрузили творения Ивана в подобие двора, газель сразу уехала восвояси. Начали груз определять в дом. Много видел Иван, но такое! В комнате от сенец до печки на полу сплошной слой пивных банок, бутылок и окурков. За столом сидел братка племянника – по внешнему виду его копия, но очень пьяная. Братан очнулся и заявил:

– У нас воровать нечего – у нас всё пропито...

Из соседней комнаты по полу к выходу медленно ползла бабка.

– Ты её не бойсь, – добродушно сказал племянник. – Она давно не кусается, и ничего не видит, и не слышит. Да и не поговоришь ты с ней – чёкнутая она.

Иван долго приглядывался к родственнице и не узнавал её. Седая, в мятой ночнушке, она ползла вперёд, но с места почти не двигалась. И никто не помогал. Иван сделал шаг к ней...

– Не надо. Я сам. Это мать моя. Зойка. Зоя Петровна. Помнишь такую? – спросил племянш.

Да, Иван вспомнил. Зоя – троюродная сестра, сильно моложе его. Они не виделись лет тридцать уже. Страшно подумать. Когда в последний раз Иван приезжал к её родителям, Зоя

была ещё молоденькой, шустрой, работала где-то, и вот итог. «Бог мой, что с нами происходит!» – подумал Иван, но вида не подал – воспитание уберегло от проявления эмоций.

Сын спокойно переступил через мать, потом приподнял её и вынес на улицу. А Иван спешно решил прогуляться по селу. Он пошёл улицей к самому центру. Заглянул в парк, где стоял памятник участникам Великой Отечественной войны с перечислением очень знакомых фамилий. На скамейке увидел ладную женщину. Невольно присел к ней, по старой моде испросив разрешения. И как-то разговорились.

Женщину звали Ниной. И она сразу схватила самую суть проблемы художника.

– У меня, к счастью, есть знакомый, тоже художник. Егоров. Не знаете такого – Николай Егоров. Он наш, местный... Сейчас ему позвоню.

Друг ответил быстро: – Пусть немедленно переезжает, я жду. Приезжайте вместе – тебя, Ниночка, угощу чаем, а коллегу крепким чаем. Телефон и адрес знаете. Да-да. Художника обидеть может каждый, а помогут – единицы. Я вас жду!

Всё к лучшему, мой друг...

Фэнтези

Два друга – два ангела парили где-то над Уральскими горами, и один вдруг заговорил:

– Ну что ты будешь! Как их ещё раз свести? Три раза проделал тщательную подготовку и сложную работу: этот Володя решил-таки поступать в военное училище, хотя был явно не совсем готов к подобному испытанию. Я внедрил ему в голову бодрящий марш и заглушил пораженческие мысли.

С Мариной тоже было много возни: она с трудом решилась поступать в горный институт – ни твёрдых школьных знаний не было, ни здоровья, ни желания полюбить геологию и горное дело...

Не знали молодые люди, что им судьба по условиям моей задачи – быть вместе всю жизнь. Нам нужны были их уникальные дети. Такой вариант был просчитан на нашем суперкомпьютере, и результат должен был быть весьма многообещающим. Однако люди всегда сопротивляются богам...

Володя в училище поступил. Он подкупил приёмную комиссию – он вместо обычного грамотного сочинения создал свою первую поэму в стихах на заданную тему, и преподаватели-русаки растаяли.

И Марина в институт поступила. Если в медицинский поступают только девушки, за редким исключением, то в горный институт наоборот – поступают, в основном, романтики мужского пола. Поэтому приёмная комиссия сразу зацепила девушку в свои сети: в абитуриентском билете стоял особый знак, по которому любой преподаватель ставил положительную оценку заранее, за одно только произнесённое слово – к примеру, «горы...».

Оба пошли за высшим образованием. И в ближайший выходной моя программа свела их среди сосен на горе Уктус. Как они радовались встрече! Увидеть знакомое и почти родное лицо после месячных испытаний – что ещё нужно для любовной вспышки!

– Спасибо, Марина, за то, что ты пришла! – то и дело повторял Владимир.

– Какой ты красивый в этой форме! – восклицала девушка.

Час их встречи прошёл так стремительно, что оба были возмущены произволом нашего заведующего Временем. Но делать нечего – надо расставаться, ибо здание совместного будущего могло разрушиться в минуту.

Они бережно расстались у КПП. Владимир, оглядываясь, бодро отправился в расположение. Марина долго помахивала ему рукой уже за воротами.

Всё было правильно, и вдруг сразу 96-я страница!

...Владимиру курсанты собрали денег в дорогу, вручили общую тетрадь с утешительными пожеланиями и напутствиями, командование вручило документы об отчислении по здоровью. Вот что значит потерять сознание на плацу до приёма Присяги! Он был сражён обстоятельствами, и отправился в дорогу, не попрощавшись с Мариной.

А Марина в следующий выходной опять пришла на КПП училища, чтобы получить известие об отъезде Владимира.

Как же трудно было мне свести несводимое, соединить молодых людей уже в другом городе! И надо признать – моя программа дала сбой.

Он увидел Марину, обрадовался, но у него уже появились чувства к прекрасной Ольге. Откуда эта красавица появилась на пути Владимира?

Марина увидела Владимира, и прежняя надежда на крепкую любовь вроде бы дала новый всплеск желаний. Но в общепитии у неё уже появился знакомый, с которым отношения были в стадии жгучего интереса. Откуда он взялся, зачем?

Надо было выбирать. Они выбирали. При желании в большом городе можно жить годами, ходить одними и теми же улицами, ездить одинаковыми трамвайно-троллейбусными маршрутами, и дома могут стоять рядом, и даже на работу можно проходить через одну проходную, но так и не встретиться. Никогда!

Вот, понимаешь, и провалилась моя генетическая инженерная операция по созданию Человека нового вида. А я так хотел победить в конкурсе!

– Ну, ты сильно не печалься, мой друг. Пока ты занимался своей проблемой, я занимался другой – мне было поручено всячески вредить твоему делу – придумывать препятствия, несудьбы и даже беды этим молодым и перспективным людям. Чтобы они упорно шли к нужному нам результату, сквозь любые тернии, что могут придумать звёзды. И они шли. И дали искомый результат – в итоге получилось, что никакая совместная жизнь им не светила – им нельзя было иметь детей!

Поэтому были исполнены другие варианты: Мария вышла замуж за Валерия; Владимир женился на Ольге. И только поэтому наше Человечество будет жить лишнее тысячелетие... И слава Богу! Чтобы Он ни делал – всё к лучшему!..

– Ну что, посмотрим на Алтай?

– Да. Давай полетим медленно...

Три километра мороза

Рассказ

В лёгком демисезонном пальто, с портфелем в руках Николай вышел в тамбур вагона. А поезд остановился, он ещё не добрался до станции. Остановка против небольшого городка нефтяников... Вот-вот, вот-вот – и родная станция!

Никто в тамбур кроме Николая не вышел, а он разглядел в окно, что между поездом и дорогой много снега. По дороге проехал одинокий автобус с приглушёнными окнами, он, видимо, последний на маршруте.

Николай давно не был дома. Ну, кому как – кому и десять лет не срок, а кому и месяц разлуки в тягость. Очень хотелось открыть дверь тамбура, крикнуть: «Земля родная, здравствуй!» и добраться до вокзала, а там на попутке – домой! Но сомнения остановили его – вдруг в снегу увязнешь, а на улице, чувствуется, очень холодно.

Более двух часов поезд стоял на месте из-за какого-то километра неосвоенного пути. Николай уже продрог в тамбуре, но покорно ждал движения. Наконец, поезд тронулся и быстро добрался до вокзала.

В тамбуре к Николаю никто не присоединился, даже проводник не вышел. Николай самостоятельно открыл дверь, спрыгнул на перрон и двинулся к вокзалу. Никого рядом не было, поезд пошёл своей дорогой. Повезло бы на остановке! Но не судьба – перрон чист, небольшая привокзальная площадь пуста, на остановке никого, и никаких попутных машин.

Николай так торопился, что не сразу осознал – деревянного вокзала уже не было. За время его отсутствия старый вокзал снесли, а новый каменный только начали возводить – вывели стены метра на два. Николай топтался, подпрыгивал, стучал ботинком о ботинок, пытался прятаться в небольшой воротник – бесполезно. Надо где-то спрятаться. Издалека он заметил ещё одно станционное деревянное здание, в которое только что вошёл человек.

Николай быстро добежал до этого здания, дёрнул ручку двери и растерялся: входить было некуда. Сразу за дверью стенкой на него смотрели спины людей. Пар от дыхания пассажиров вырывался наружу. И тут кто-то шумнул:

– Эй! Дверь закрой! Сквозит!

Николай дверь закрыл, попятился к стройке, спрятался в проём между стенок, но понял – тут его хватит максимум на полчаса. Что делать?

Вообще-то, на станции жила родня, можно добраться до неё. Но там одни старики – могут и не услышать стука в окно... Глубокой морозной ночью, под утро, кто тебе откроет двери и впустит в дом?

Лихорадочно, замерзая и плохо соображая, Николай принял единственное правильное решение: пешком дойти до дома, пока силы есть. А что? Тут идти-то всего три километра и триста метров. Бывшего солдата разве морозом испугаешь?

Всё! Николай отправился в путь. До поворота дошёл быстро и хорошо, даже немного разогрелся в движении. Свернул на главную дорогу. И до моста через озеро Большое тоже дошёл неплохо. Но сразу после моста портфель выпал из задубевших рук. Выпал и скользнул вдоль дороги.

Тут Николай смекнул: «Пока руки совсем не замёрзли, надо снять брючный ремень, привязать его к портфелю и к руке, и – вперёд!» Так он и сделал. И даже повеселел: во-первых, руки почти освободились от веса, а во-вторых, портфель покорно двигался за хозяином, как послушная собачка. Скорость движения увеличилась! «Ничего! Дойду!» – утешил себя Николай.

За мостом он почувствовал низовой ветерок. Вроде, слабый, но неугомонный. Шёл, остановился, постучал по ногам – они, как поленья. Чувствительности не было.

Кое-как двинулся далее. И заметил, что справа, параллельно с ним, метрах в тридцати скользит меж кустов что-то тёмное. И мысль первая – волк! А это уже очень серьёзно! Нет, всё же собака, волк уже давно наперед забежал бы или сзади напал. Понял, но на душе легче не стало – уж слишком рослая собака какая-то, и почему бежит рядом, не отстаёт. Встанет Николай – и она тормозит, двинулся Николай – и она бежит рядом. Бежит и бежит...

И тут Николай заметил звёзды. И почему-то реально подумал о смерти. А что, всё сегодня может быть. Особенно бояться вроде нечего: чтобы мы не делали, через тысячу лет от наших дел и от нас останется только прах и пыль воспоминаний. А может быть, и их не будет. На этой самой дороге давно когда-то дембель не дошёл до дома – загрызли волки. А не так давно пьяный водитель ночью на смерть сбил двух парней. Они Афган прошли и остались целы, а тут нелепо погибли... И только звёзды будут висеть на своих местах и подсвечивать путникам заснеженную дорогу...

Звёзды! Вот идёшь по световому туннелю – вокруг темнота, впереди свет! И ты почти один пока ещё тёплый, но уже находишься внутри смертельного космического холода. Что есть наша жизнь? Тонкий подвижный слой, схваченный жутким жаром и таким же жутким холодом. Немного двинься за допустимые пределы, и нет жизни! Минус шестьдесят и плюс шестьдесят, вот и всё, что нам отпущено. Очень напоминает тонкий воздушный детский шарик с радужными разводами...

Тут мысли Николая стали заметно путаться. Впереди он увидел знакомые огни, до них было недалеко. Но это «недалеко» надо как-то преодолеть... Звёзды складывались в узнаваемые геометрические фигуры, иногда мерцали синхронно, двигались по замысловатой кривой вокруг своего центра, и даже – кололись и дробились. «Вот холодина – даже глаза замерзают...» – отметил мимолётно Николай...

И тут ему стало лучше, теплее. Он очнулся у домика-вагончика. В маленькое окошко увидел спящих мужиков... Надо бы зайти в тепло, но и осталось уже пройти мост через реку, потом ещё с километр и – дома! «Останавливаться нельзя – будет хуже. Дойду как-нибудь».

После поворота дорога пошла на подъём. И очень трудно было двигаться – ноги почти не гнулись. «Всего лишь три километра по холоду, и – гибель! Так просто...».

Когда он вышел на прямую улицу к дому, увидел под фонарями какие-то неясные подвижные силуэты. Улица упиралась в ворота больницы, которая и замыкала тупик.

У самого дома Николай понял, что силуэты – это косули. И зачем они забрались морозной ночью в посёлок? Сколько их было? Однако размышлять о животных было уже не под силу – надо себя спасти!

Самое трудное – открыть подъездную дверь. В инее, заледеневшая, без ручки, она замёрзла и не поддавалась Николаю. И всё же он вошёл в подъезд. Портфель на удивление до сих пор следовал за ним, машинально постукивал на каждой ступеньке лестницы.

И вот – третий этаж, родная дверь. Звонок! Пауза, ещё звонок! Заспанная Мария открыла дверь, глянула на мужа и сообразила – он замёрз. Николай сделал шаг, втянул портфель, потом ещё три неуверенных шага и упал!

Мария торопливо искала водку, нашла, раздела мужа, разжала Николаю зубы и влила спасительную жидкость. А потом начала со слезами растирать его тело...

– Додумался, на дворе мороза за сорок, а он пешком... Пешком! Господи, спасибо за всё!

Любви, представьте, не ждала Очень маленькая повесть

Вчера Валентина Сергеевна влюбилась. Она поняла это по дороге из библиотеки домой. Шла себе тихо по свежему снежку, заглянула, не помнит как в магазин, купила чего-то, как бы во сне, для ужина и потом не смогла вспомнить, как оказалась на порожке собственного дома.

Тонкий месяц и яркая звёздочка при нём словно заморозили её – Валентина всё стояла и смотрела в зеленоватое небо. И никак не могла сосредоточиться.

Месяц и звёздочка – самые яркие на небесном поле. Связаны незримой ниточкой: то сходятся, то расходятся, ну, как люди прямо... И подсказывают всем, что в нашем мире везде так: разлука живёт ожиданием встречи, а встреча заканчивается обязательной разлукой. Не бывает по-другому у тех, кто живёт, кто движется в этом мире... И память подчиняется этому закону – то забудется всё, то вспомнится, когда звёздочка встретится с месяцем...

Нет, Валентина Сергеевна склерозом не страдала, да и ничем не болела так, чтобы память терять. Но со вчерашнего дня ни о чём серьёзно не могла долго думать, а вот о ком – могла...

Он появился внезапно. Нет, сначала он разок-другой заходил в библиотеку, что-то искал на полках среди книг, потом полистал газетные подшивки, взял для чтения какую-то ветхую книгу и ушёл. Его тогда обслужила Люба. И второй раз с ним общалась тоже Люба.

Вот и Валентина Сергеевна обратила внимание на это редкое явление по нынешним временам – на нового читателя с хорошими намерениями. Мужчина в годах, солидного возраста. А каков он из себя по характеру – не разобралась, слишком мало его наблюдала.

Но вчера – как гром среди ясного неба, она встретила с ним лицом к лицу, и кого-то припомнила, почти узнала. Нет, ни имя, ни фамилия в читательском билете ничего ей не сказали. Только что-то знакомое проявилось и мелькнуло в сознании, когда он заговорил. Минутная беседа мало что дала, лишь только зацепила своей загадочностью.

Однако Валентина Сергеевна увидела в нём самое основное – интеллигентного человека с большим жизненным опытом, одетого ладно, по-городскому. Очень даже симпатичный, опрятный. И он мельком так посмотрел на неё, что стало ясно – читатель этот был одиноким и холостым. Как она это поняла, неизвестно. Но решила однозначно – человек хороший!

Он оказался ещё и скромным. Получив свои книги, простился и ушёл. А в голове Валентины Сергеевны что-то спуталось, она вдруг стала рассеянной. И задержавшись у широкого окна, что-то очень важное в своём прошлом пыталась вспомнить...

Как давно это было! Так давно, что уже кажется нереальным событием или фактом из какой-то чужой жизни...

Событие восстанавливалось туго. Валя и Лида работали на совхозном току – помогали подрабатывать обильное зерно нового урожая. Валя и Лида были девчонками пятнадцати лет, обе весёлые, обе красивые, учились вместе и во временном женском общежитии жили вместе. Поэтому и вечера проводили вместе – на площадке у местного клуба, где молодёжь, как правило, танцевала под магнитофон «Романтик». Иногда девушки прохаживались туда-сюда вдоль посёлка, иногда ходили купаться на пруд.

Заметные девчонки, было в них что-то свежее и в одежде, и в образе – одевались более-менее модно и спортивно, песни пели современные, а на ребят смотрели пока ещё сквозь пальцы, как бы пристреливаясь, как сказала бы сейчас напарница по библиотеке Люба.

И тут появились в посёлке двое новых парней – Володя и Коля. Оба из Оренбурга – будущие железнодорожные механики. Они тоже прибыли на так называемую практику. Управляющий отделением долго не думал – тут же определил их шоферить, ведь на первом курсе мальчишки изучали автомобильное дело. И весомый мотив был – отделение завалено урожаем –

пшеницей, просом, кукурузой на силос. Надо было спасти свалившееся богатство, вывозить его с полей, а вот шоферов не хватало.

Иван Васильевич вызвал шофёра из второй бригады и поставил ему задачу:

– Думаю, из тебя, Петя, хороший наставник получится. Короче, сегодня к обеду эти молодцы должны шоферить, и не только руль крутить, но и зерно вывозить с поля. Понял?

– Понял. Чего не понять, пошли, пацаны...

Обрывок этой беседы и услышала случайно Валентина. «О, будущие шофера и механики будут – это интересно. Это у нас на селе приветствуется. Кому-то повезёт...» – подумала и вышла из конторы.

Честно сказать, парней в посёлке действительно не хватало: местных – по пальцам сосчитать, приезжих тоже маловато. Ждали военных водителей и шоферов из самого Ленинграда. Девчонок – хоть отбавляй, молодых женщин – тоже. Но пока была такая обстановка, что пары не складывались. И, видимо, поэтому одна из студенток финтехникума вовсю кружилась с командированным шофёром, который был её в два раза старше. А куда молодости деваться?

Работа на току была не интересной. Не было такого энтузиазма, какой изображали на картинах колхозно-совхозной тематики наши художники. Но труд этот был очень необходим – совхозу, району, области, стране и самим себе. Это понимают все сельские жители. Понимали и девчонки, и поэтому не стонали, не охали, не кручинились и не жаловались, а шустро и добросовестно делали полезную работу, изредка отдыхая в тенёчке и переговариваясь для бодрости духа.

После сытного обеда можно было немного поспать. А потом всегда приходила на ум одна и та же мысль, каким будет вечер? «Что сегодня, кино привезут или просто будем песни петь, или опять купаться пойдём?» – такие рассуждения овладевали работницами. Мечтания подогревали тот азарт, с которыми девушки заканчивали смену.

И вот он – долгожданный вечер! Как спустя несколько лет призналась Лида, ребята тоже заприметили девчат у конторы – видимо, глянулись, как в деревне говорят. Володя сказал, что парни хотели исполнить такой расклад: Володя будет дружить с Валею, а Коля – «окучивать» Лиду. И в первый же вечер встречи судьба пошла поперёк их желаний: Валя выбрала Колю, а Лида – Володю. Они и не заметили, как это произошло. Но сложилось, как сложилось, и они приняли это.

А Валя долго этого не знала. Каждый день она слышала от Лиды, как бурно развивается их любовь. Лида с Володей действительно чаще и чаще стремились отделиться, уединиться от молодёжи и их общих развлечений. Их видели то за мехтоком, то у ближней рощицы, то на пруду. Лидка бегала счастливая, на ходу словно танцевала, а вот Вале не везло – её знакомый оказался тихим увальнем, добрым, но скучным.

Однажды Володя подвез к пруду с десяток парней и девчат. В кабине у ГАЗа-51 у него были и Валентина, и Лида. Девчонки поразились возможностям начинающих механиков. Их только начали учить, а Володька уже как заправский шофер и работал на машине, и отдыхал уверенно. А вот Николай вначале никак не мог попасть в колею дороги, машина виляла из стороны в сторону. Хорошо, что дороги у нас везде просёлочные, одинаковые во стороны – степь.

...А вот и практике конец. Когда получили расчёт в конторе и прощались на дорогу, некоторые девчонки откровенно рыдали. Парни вели себя сдержанно, но и их охватило волнение – прощались друг с другом, с красивым местом и с памятным летом. Хорохорясь перед девчонками, они настойчиво проводили такую линию: «А не выпить ли нам, братцы, на посошок? Давайте, я к Яковлевне сбегая...». Ну и выпили вскорее, конечно.

Трудовой семестр закончился, осталось немного времени на свидание с родителями, и – кому куда – в техникумы, в училища. Учёба уже ждала своих героев!

Однако невозможно предусмотреть все жизненные повороты и развороты нашей жизни. Вскоре у Вали умер отец, потом слегла с тяжёлой болезнью мама. Учебу пришлось досрочно

оставить, ведь уход за мамой требовал терпения, времени и денег. А ещё хлопоты по дому, со скотиной. Так и получилось, что когда Вале предложили поработать в библиотеке, она охотно согласилась – и малые деньги в хозяйстве были нужны.

Вот уж немало лет односельчане только Валентиной Сергеевной её зовут – уважительно. Не молодая девка давно.

Сватались к ней разные мужики, да неизменными забулдыгами оказывались. Вроде и поживут с тобой недельку, а потом, смотришь, сбежал женишок – привык жить без особых забот, да и дружки закадычные в чайной заждались.

Последний претендент на место мужа не продержался и до вечера. За обедом попросил вина или водки. Валя не отказала, и – началось! Рюмка, вторая, третья, шумок, попытки спеть что-то народное, бредовые речи... Ушёл и не вернулся. Не сложилось. Слава Богу! И этот понял, что в таком прибранном, аккуратном домике, где кругом книги, живописные картины и фотографии чужих людей, ему делать нечего. К тому же, Валентина, как оказалось, спиртное не пила. И полбутылки водки держала почти год. Не хватило претенденту на семейное счастье этой водки – пошёл за другой и провалился! Зато нет худа без добра – от злого виноблудия дом и себя уберегла.

Ничего. Видно на роду ей было написано одной век коротать. Подумала: «Ладно, не мы первые – не мы и последние. Переживём.»

А как-то в Оренбурге встретила с подружкой Лидочкой и узнала страшные новости: в аварии погибла вся её семья – муж умер, детки погибли. Одна она осталась, умом стала слаба, да и калека. Ой, грехи наши! Больно как! Уравняла их жизнь, только зачем?

...Почти до утра Валентина перебирала в памяти самые яркие события жизни, не совсем осознавая, для чего. И лишь под утро поняла – она точно знала когда-то этого нового читателя. «Спрошу его прямо, кто он?» – решила она.

Однажды этот загадочный мужчина зашёл в библиотеку раньше обычного. Сдал книги, и вдруг открыто заглянул в её глаза. Она чуть не обмерла. Вот когда чего-то ждёшь – ничего не происходит, а только перестала ждать – нате вам! Судьба сподобила – и он заговорил:

– Валя, добрый вечер! Хочу вас пригласить в какое-нибудь хорошее место, но не знаю куда. Давайте поужинаем вместе...

– Добрый! Вообще-то меня все Валентиной Сергеевной зовут. И почему вы решили, что я куда-то пойду с вами? С незнакомым мне человеком?

– Неужели, не помните меня, Валентина Сергеевна?

– Нет, не помню. Долго живу в селе, но вас никогда не видела.

– А я вас видел, знаю и помню.

– И что, вы книги выбрали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.